

Глава 1

Празднование дня рождения похоже на визит к гинекологу: еще одна неизбежная ежегодная процедура вроде соскоба на ПЦР — немного неприятная, немного неловкая, немного слишком интимная, — только с подарками. Стоило бы догадаться заранее, что проскочить этот день на цыпочках и сохранить в секрете свой возраст, а главное, уберечь свое *достоинство*, мне не удастся.

Так и вышло. Я шла себе в комнату отдыха персонала Центра пластической хирургии Белл-Харбора, чтобы спокойно выпить чашечку кофе, тут-то меня и окружили. Они выпрыгнули из засады — внезапно и без предупреждения. Воздух вокруг взвихрился и обрушился блестящим цунами лилово-розовых конфетти, уши заполонил радостный гогот. Горячие тела коллег надвинулись и зажали меня в углу комнаты. Еще несколько горстей конфетти выстрелили сверкающей шрапнелью, приликая к лицу и застревая в волосах.

Они меня настигли и отрезали все пути к отступлению.

Я стала жертвой отряда СИНОБИ¹ (Скоростной Идентификации Ниндзя-Охотниками Беглых Именин-

---

¹ *Синоби* — другое название ниндзя.

ников), вооруженных вместо сюрикенов разрывными блестяшками.

Потому что сегодня был не обычный день. Сегодня как раз и был мой день рождения. День рождения, которому я была не рада. О котором мне хотелось забыть. Который перемещал меня из категории «от восемнадцати до тридцати четырех» в категорию «от тридцати пяти до смерти». И теперь я попала в радужную паутину чертовых ниндзя. Соппротивление было бесполезно.

— Сюрприз!

— С днем рождения, Иви!

— С днем рождения, доктор Роудс!

На меня осело еще одно облако резаной фольги, и кто-то сунул мне в прическу потускневшую диадему со стразами — на моих рыжих волосах, я уверена, это выглядело верхом безвкусицы. Дежурные поздравления сыпались вперемешку с хихиканьем и шуточками на тему «старость не радость», пока в комнату отдыха не набилось человек двадцать пять, включая шестерых моих коллег-врачей, младший и обслуживающий персонал. Делль, наша кругленькая, средних лет администраторша, с важным видом пробралась вперед, водрузила на стол посреди комнаты торт, утыканный свечками, и с победным видом улыбнулась.

Заулыбались все. Всей толпой они, сияя, уставились на меня, переминаясь с ноги на ногу, полные радостного ожидания. Вид у них был ликующий: вероятно, они заранее предвкушали, что и меня сейчас охватит восторг... но этого не произошло.

Не то чтобы я не оценила их стараний. Не такой уж я деньрожденный Скрудж... пока дело не доходит

до моего дня рождения. Есть женщины, которые любят отмечать с размахом, в стиле «Все внимание на меня!». Я не такая. Именно поэтому сейчас, находясь в центре общего внимания, я почувствовала себя глупо. Будто получила зеленую ленту на школьных спортивных соревнованиях, в которых даже не участвовала, — просто за явку на мероприятие.

— Ну как, удалось нам вас удивить? — требовательно спросила Делль, поправляя очки на переносице пухлым пальцем. У нее были очки в оправе разных цветов на каждый день недели. Эти в бирюзовой. Значит, сегодня вторник.

Долю секунды я понадеялась, что из-за горящих на торте свечек сработает пожарная сигнализация и нам придется спешно эвакуироваться из здания. Но, увы, везение было не на моей стороне. Я зависла в нескончаемом мгновении, и не оставалось ничего другого, кроме как начать оправдывать ожидания коллектива. Я натянула на лицо фальшивую радостную улыбку:

— Боже мой, ребята! Да! Вы и вправду меня удивили. Я и понятия не имела, что кто-то знает о моем дне рождения!

И хотя мое удивление *было* искренним, я порадовалась, что мне удалось добавить искренности в свой голос. Очко в мою пользу.

— Это доктор Пулман нам рассказала. Ее и благодарите, — Делль ткнула пальцем в высокую брюнетку с двухсотдолларовой стрижкой и в туфлях на высоких каблуках, непрактичных до смешного.

Я метнула взгляд в сторону Хилари Пулман — единственного человека в этом городе, который аб-

солютно точно знал, что сегодня я не хотела никакого ажиотажа. Она была моей коллегой, той, кому я поверяла все свои тайны, и, как я считала до этой самой минуты, моей лучшей подругой. Мы познакомились в ординатуре, обе специализировались на пластической хирургии и быстро сошлись на почве нытья на тему «Как много тягот и невзгод подстерегает женщину, избравшую профессией медицину». Ничто не может сплотить друзей сильнее, чем чистка зубов одной на двоих щеткой перед утренним обходом после ночной смены.

Хилари родилась и выросла в Белл-Харборе, и наша дружба на пятьдесят процентов определила мое решение остаться работать здесь. Но подруги мы с ней или нет, ей в любом случае было известно, как я ненавижу отмечать дни рождения. Я прищурилась и попыталась смерить ее свирепым взглядом, но на этих чертовых каблуках она была на голову выше меня. Преимущество явно оказалось не на моей стороне.

В ответ она лишь безмятежно улыбнулась и пожала плечами в своей обычной манере «прости, хотя я и не понимаю, за что». Она выступила из толпы поздравляющих. Краешек ее ладно облегающей фигуру юбки-карандаша едва виднелся из-под белого халата. Многие могли бы заметить, что юбка слишком коротка. И были бы правы. Но, честно говоря, будь у меня такие ноги, я бы тоже носила короткие юбки. К несчастью, ни ногами, ни юбками я похвастаться не могу. Мой рост всего пять футов два дюйма, так что из короткого у меня — только я сама.

Хилари изящными пальчиками подобрала со стола лопатку для торта и протянула мне рукояткой вперед:

— С днем рождения, Иви! Я понимаю, что лопатка не так остра, как привычный тебе скальпель, но уж что есть, держи. Постарайся ею меня не резать.

И она игриво подмигнула мне.

Я взяла лопатку и снова попыталась незаметно для окружающих уничтожить Хилари взглядом, но у нее был непрошибаемый иммунитет к моему раздражению. Не то чтобы она его не замечала: просто не обращала внимания. Хилари считала, что ее роль как подружки заключается в постоянном поддразнивании и выманивании меня из зоны комфорта. Со временем она решила, что раскрепостить меня — ее святая обязанность. Но я не нуждалась в раскрепощении. Я нравилась себе такой, какая есть. Большую часть времени.

Делль шумно выдохнула и сцепила руки перед внушительной грудью размера D:

— Загадайте желание, доктор Роудс! И задуйте свечки.

Я улыбнулась ей и остальным, изо всех сил стараясь держаться естественно, и мне это почти удалось. В конце концов, они действовали из добрых побуждений. Может, этот день рождения получится не самым ужасным. Тридцать пять — не *такая уж* старость. Во всяком случае, я пока не вижу объявлений о конце света, траурных композиций из шариков и увядших букетов, перевитых черными лентами. Всего лишь конфетти и диадема. С этим я как-нибудь справлюсь.

Я откашлялась и набрала в грудь воздуха:

— Спасибо вам! Это так мило. Я прожила в Белл-Харборе всего несколько месяцев, но они были чу-

десными, и вы сделали все, чтобы я почувствовала себя как дома. Даже придумать не могу, чего бы еще пожелать.

— Как насчет мужа? — выкрикнула Делль и захихикала, кивками подстрекая остальных присоединиться. Капельки пота сверкали на ее темном лбу.

Она думает, это смешно? Перебивать именинницу во время речи?

Вот в этом и заключается единственный недостаток переезда в маленькую сплоченную коммуну: твоя личная жизнь автоматически становится общественным достоянием. Поскольку я была врачом и новым лицом в городке, то вызывала у добропорядочных граждан Белл-Харбора такое же жгучее любопытство, как если бы метеорит ударил в крест церкви Святого Алоизиуса конгрегации Непорочного Зачатия. Казалось, каждому жителю нашего города известно, что я снимаю маленькую квартирку, мечтаю купить дом на берегу озера и у меня никого нет. Последний факт всем не давал покоя. Всем, кроме меня, разумеется. У меня-то было полно времени, чтобы найти себе мужа.

Если предположить, что я вообще хотела его найти.

А я не хотела.

Большую часть времени.

Еще меньше мне хотелось, чтобы все присутствующие в этой комнате принялись судить и рядить о моей личной жизни, точнее, в настоящий момент — ее отсутствии. В конце концов, личная жизнь на то и личная. Только кто мне даст сохранить ее в тайне?..

Я неискренне хихикнула и повернулась к торту. И уставилась на свечи, изобразив на лице

приличествующую случаю мечтательную задумчивость, как будто загадываю желание. Но поскольку я всю жизнь придерживалась границ естественно-научного знания, основанного на доказательствах, загадывание желаний на именинные свечки попросту не вписывалось в мою картину мира. Дуй ты хоть на свечки, хоть на одуванчики, хоть кидай монетки в фонтан — желания так не сбываются. Желания — это просто нереализованные цели.

Однако в сознании у меня — как радуга в темном после грозы небе — нарисовалось видение, в котором я в воздушном белом платье плыву по проходу церкви навстречу безликому, наряженному во фрак жениху. Были там и розовые розы, и подружки невесты в шифоновых платьях цвета лаванды. В голове зазвучала мелодия пахельбелевского «Канона в ре мажоре». Сердце совершенно нелогично встрепенулось, будто это и было моей заветной мечтой. Нет, конечно. Не моей. И не сейчас. У меня есть любимая работа. И этого достаточно.

Большую часть времени.

Я вздрогнула, мысленно стерла возникшую в голове картинку и задула свечи, не загадав вообще ничего. Все захлопали и дружно подались вперед, двигаясь с синхронностью косяка тунца, в котором каждый тунец мечтает о куске торта. Меня опять окружили.

— Давай я тебе помогу, — шагнула ко мне Габи, наша офис-менеджер. Она заправила осветленную прядку с выкрашенными в розовый кончиками за ухо, проколотое в нескольких местах; подол ее бирюзово-оранжевой юбки вильнул и обвился вокруг лодыжек. Ей было двадцать восемь, но выглядела она совсем

юной из-за безупречной кожи лица: за обладание такой мои пациентки готовы платить тысячи долларов. А еще она была младшей сестрой Хилари, а значит, и мне приходилась кем-то вроде младшей сестры.

— Вот, держи, — сказала она, протягивая мне стопку бумажных тарелок.

На тарелочках были нарисованы котята в диадемах, как у меня, будто мне исполнилось пять, а не тридцать пять. То ли они остались от какого-то детского дня рождения, то ли надо мной решили так подшутить. Раздумывать, какая из версий верна, я не стала.

— Кто любит много глазури, кому уголочек? — громко спросила я вместо этого с облегчением, что могу наконец чем-то занять руки. *Давайте начнем и закончим, тогда я пойду заполню медкарты и освобожусь на сегодня от бумажной работы. Меня еще ждут в других местах.*

Я быстро нарезала торт. В работе пластического хирурга есть свои преимущества. Габи и Хилари раздали всем по тарелочке и вернулись к столу, чтобы взять и себе тоже. Пришлось и мне есть торт, зная, что отвертеться не удастся. Зная, что кусок торта — это лишние сорок пять минут кардиотренировки. Что холестерин забьет мои артерии, как старое машинное масло. Но, черт возьми, до чего же вкусно! Липко, сладко, сплошной праздник непослушания!

Габи сунула в рот целиком огромную розу из помадки и промычала:

— *Feliz aniversário!*

Зубы у нее тут же окрасились химическим красным. Выглядела она при этом как вампир.

— Это «С днем рождения!» по-португальски.

— С каких это пор ты учишь португальский? — спросила Хилари, отковыривая крошечку от и без того малюсенького куска, который она себе положила.

Ее сестра пожала плечами и ответила уклончиво:

— С некоторых. Я учу его самостоятельно. Красивый язык. Красивые мужчины.

Хилари кивнула:

— О-о! Кстати о красавцах-мужчинах, Иви, — она обратила на меня взгляд своих темно-карих глаз. — Тебе бы точно не помешало...

Я отвлеклась от торта:

— Выучить португальский?

— Нет, — прошептала она. — Загадать себе мужа. И немного сама-знаешь-чего, в честь дня рождения, — и она проиллюстрировала свои слова недвусмысленным движением бедер, вдруг я не пойму.

Габи захихикала, а я подавилась куском. Потянулась за кофе, чтобы запить, но чашка оказалась пустой. Я с трудом проглотила торт и возмущенно прошипела:

— А с чего ты взяла, что у меня этого нет?

— Ты бы мне рассказала.

Она права. Рассказала бы.

— И потому что твоя мать звонила насчет сегодняшнего ужина, — добавила Габи. — Я с ней говорила пятнадцать минут назад.

— Ты разговаривала с моей матерью?

Габи кивнула, мазнув по плечам розовыми кончиками волос:

— Да, и она сказала: «*Vamos ser tarde. Podemos encontrá-lo no restaurant*».

Любопытство мое росло вместе с уровнем глюкозы в крови.

— Извини, Габи, но мой португальский оставляет желать лучшего. Что это значит?

— Это значит, что твои родители опаздывают и будут ждать тебя в ресторане. — И она подцепила еще одну розу из помадки.

— А еще она сказала, ей больно при мысли, что очередной день рождения ты снова проведешь одна, — добавила Хилари, накалывая на вилочку еще одну крошку торта.

— Не могла она такого сказать! — задохнулась я от возмущения и огляделась вокруг, не подслушивает ли кто. К счастью, все были заняты исключительно тортом. Я понизила голос до еле слышного шепота:

— Моя мать в жизни бы этого не сказала! Даже если бы ей приставили скальпель к яремной вене.

Я сочла излишним объяснять, что моя мать еще менее сентиментальна, чем я, к тому же прекрасно знает, что множество дней рождения я провела в полном одиночестве и совершенно довольная собой.

Хилари вздернула бровь — безупречную благодаря стараниям мастера:

— Ладно. Ты меня поймала. Она этого не говорила. Но, Иви, ты здесь уже почти четыре месяца, а я ни разу не слышала, чтобы ты собиралась пойти на свидание. Пора начинать выходить в свет и знакомиться с новыми людьми.

— Да, с людьми мужского пола, — сказала Габи. — Мой молодой человек, Майк, знаком с кучей парней, с которыми ты могла бы встречаться. Насчет *кучи* я, конечно, загнула, но с двумя по крайней мере.

А пары парней как раз хватит для веселой вечеринки, правда же?

Обе сестры рассмеялись, а я задумалась, насколько серьезно она это сказала.

— Не уверена, что хочу знать, что там у вас за вечеринки.

Хилари поставила тарелку на стол.

— О, ну мы со Стивом ходим на скучные вечеринки для женатых пар, но даже они лучше дня рождения, проведенного в одиночестве. Правда, Ив, с этим нужно что-то делать. Хватит быть такой разборчивой.

Я выпрямилась в полный рост, насколько мой рост вообще это позволяет, и приготовилась защищаться.

— Я не разборчива! У меня просто нет времени. Я все время работаю.

— Ты все время работаешь, потому что не представляешь, чем еще можно заняться.

И хотя в этот раз она попыталась смягчить упрек, ее увещевания меня достали. Все это я уже слышала.

— Пока ты была в ординатуре, можно было валить все на занятость, — добавила Хилари, — но теперь ты в штате. У тебя нормальные приемные часы. И больше нет никаких оправданий.

От подобных разговоров я всегда начинала чесаться. Это и был единственный вопрос, по которому мы с Хилари никак не могли прийти к согласию: почему я не спешу найти мужчину? Она была совершенно счастлива в браке, родила двоих прекрасных детей и поэтому просто отказывалась понимать, что заставляет меня бесконечно тянуть с созданием семьи и думать в первую очередь о карьере, а не о замужестве. Но я вовсе не торопилась замуж. Я насмотрелась